

Русские духовники и раскол старообрядства.

I.

Расколъ и русское духовенство.—Иванъ Нероновъ и его духовныя дѣти.—Протопопъ Аввакумъ какъ духовникъ.—Его покаяльная семья.—Аввакумъ и его духовныя дѣти въ противленіи церкви.—Другіе примѣры вліянія духовниковъ-старообрядцевъ на своихъ дѣтей духовныхъ.

Въ первоначальной исторіи раскола старообрядства обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что это движеніе было создано низшимъ духовенствомъ, бѣлымъ и чернымъ. Два епископа, высказавшіеся противъ книжнаго исправленія—Павель Коломенскій, скоро погибшій, а послѣ Александръ Вятскій, скоро раскаявшійся, не сдѣлали для раскола почти ничего. Протестъ противъ реформъ патр. Никона возникъ въ средѣ видныхъ представителей московскаго духовенства и иногородныхъ протопоповъ, жившихъ въ Москвѣ. На соборѣ 1666 года были осуждены 19 лицъ за противленіе церкви: десять изъ нихъ священники бѣлые и черные, одинъ подьякъ, одинъ дьяконъ и семь простыхъ старцевъ ¹⁾. Здѣсь были апостолы старообрядства. Но и послѣ собора духовенство играетъ, несомнѣнно, главную роль въ жизни противниковъ церкви: проповѣдуетъ противленіе новшествамъ, одушевляетъ на борьбу съ никоніанами, на стояніе за старую вѣру до смерти и на добровольное мученичество. Съ другой стороны большая часть русскаго духовенства, оставшаяся въ оградѣ церкви, должна была вліять на народъ, чтобы удержать его отъ раскола. Такимъ обра-

¹⁾ *Субботинъ*, Матеріалы, II, 5—34. Ниже это изданіе цитируемъ, обозначая только томъ (римской цифрой) и страницу (арабской).

зомъ въ первоначальную эпоху раскола, когда была разбужена религиозная мысль народа, когда народъ спрашивалъ пастырей убѣдительно показать, гдѣ находится православіе,—въ эту эпоху для историческаго изученія открывається довольно ясно та сторона пастырской власти, которою наше духовенство вліяло на народъ, увлекаая его въ расколъ или удерживая въ церкви. Оказывается, что духовенство обѣихъ сторонъ—и старообрядческое и вѣрное церкви—опиралось въ значительной мѣрѣ на свои духовническія права и полномочія.

Совершенно естественно, что первые расколоучители священники, возбуждая въ народѣ противленіе реформамъ патр. Никона, дѣйствовали прежде всего на духовныхъ дѣтей своихъ, начинали именно съ нихъ и имѣли успѣхъ. Это можно замѣтить на дѣятельности перваго врага Никона протопопа Казанскаго собора *Ивана Неронова*, при самомъ зарожденіи раскола старообрядства. Когда Нероновъ въ 1653 году былъ сосланъ въ Спасо-Каменскій монастырь, при Казанскомъ соборѣ остался въ качествѣ временнаго священника его единомышленникъ протопопъ Аввакумъ, кстаи сказать, бывшій въ то время духовнымъ сыномъ Неронова ¹⁾. Аввакумъ провожалъ Неронова въ ссылку ²⁾. Воротившись въ Москву, онъ сталъ учить народъ, „лишнія слова говорилъ, что и не подобаетъ говорить“, т. е. высказывалъ недовольство современными распоряженіями церковной власти. Онъ сдѣлалъ попытку стать замѣстителемъ сосланнаго настоятеля въ Казанскомъ соборѣ, но встрѣтилъ отпоръ со стороны соборнаго духовенства. Тогда Аввакумъ пересталъ ходить въ церковь и завелъ всенощныя на дворѣ у Ивана Неронова. Нѣсколько позднѣе Неронову въ Спасо-Каменскій монастырь другой казанскій священникъ Иванъ Даниловъ доносилъ на Аввакума: „а у насъ отъ церкви дѣтей твоихъ и иныхъ прихожанъ, отозвалъ, а иные отъ нихъ приходили нарочно позывать отъ церкви въ сушило, а иной

1) V, 17. „А мнѣ отецъ духовный былъ, говорить о Нероновѣ Аввакумъ въ своемъ Житіи; я у него все и жилъ въ церкви: егда куда отлучится, ино вѣдаю церковь“. I, 26: Аввакумъ жилъ у Неронова съ семьей.

2) I, 30. О проходахъ Неронова: I, 282.

и такъ говорили: въ нѣкоторое время и конюшни де иныя церкви лучше“. Аввакумъ, духовный сынъ Ивана Неронова, продолжая его протестъ противъ распоряженій патр. Никона, привлекаетъ на свою сторону духовныхъ дѣтей и прихожанъ сосланнаго протопопа. Говорили тогда, что самочинное сборище Аввакума доходило до ста человекъ. Вмѣстѣ съ Данииломъ Костромскимъ онъ подалъ челобитную государю за Ивана Неронова и подъ ней подписались сочувствовавшія послѣднему лица. Между тѣмъ Иванъ Даниловъ донесъ на Аввакума патриарху. Стрѣльцы окружили его модельню во время всеобщей и арестовали 33 человека вмѣстѣ съ нимъ. Ихъ всѣхъ отлучили временно отъ церкви, а вмѣстѣ съ ними и лицъ, подписавшихся подъ челобитной, такъ что всего набралось болѣе 40 человекъ ¹⁾. Сослали и Аввакума въ Сибирь. Но въ приходѣ Казанскаго собора и среди дѣтей духовныхъ Неронова высказывалось открытое недовольство этими расправами. Какая-то Анна Михайловна прямо отказалась давать кормы казанскимъ соборянамъ, упрекая ихъ за содѣйствіе ссылкѣ Неронова: „и впредь-де не будетъ вамъ ничего, молилися-де, да вымолили Ивана Неронова вонъ“. Другіе перестали ходить въ церковь. Тотъ же священникъ Иванъ Даниловъ писалъ Неронову: „а прихожане овѣ ходятъ (къ службамъ), иныи не ходятъ, и дѣти твои духовные“ ²⁾. Среди этихъ сторонниковъ Неронова изъ числа его духовныхъ дѣтей были прямыя 'раскольники, усвоившіе его проповѣдь противъ распоряженій патриарха и дружившіе съ Аввакумомъ. Они не забывали сосланнаго. Его вѣрное духовное чадо протопопъ Аввакумъ, будучи ужъ подъ стражей, пишетъ Неронову письмо, сравниваетъ его съ ап. Павломъ, воспоминаетъ его слезы, и радости, и неліцемерную вѣру. Онъ описываетъ Неронову свои злоключенія, судьбу ихъ „братства“—протопоповъ, недавно столь вліятельныхъ, теперь осужденныхъ и расточенныхъ, и положеніе осиротѣлой семьи Казанскаго протопопа. И Нероновъ

¹⁾ I 28—31. Такъ понимаетъ текстъ письма Ив. Данилова *преосв. Макарій*, *Исторія*, XII, 133, и это, кажется, правильно. *Проф. Бороздинъ* считаетъ 40 чел. подписавшихся подъ челобитной и **кромѣ** того 33 человекъ, пойманныхъ съ Аввакумомъ. По *Винограду Росс.*—60 человекъ. *Бороздинъ*, 139.

²⁾ I, 32—33.

писалъ Аввакуму ¹⁾. Сохранилось два Посланія къ Ивану Неронову отъ его духовныхъ дѣтей—бояръ Плещеевыхъ. Первое писано однимъ Андреемъ, который, какъ узнаемъ изъ другого источника, былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Аввакумомъ ²⁾; второе отъ четверыхъ—Савина, Григорія, Андрея и Герасима ³⁾. Посланія написаны въ высшей степени почтительно. Духовныя дѣти просятъ благословенія отъ своего отца и пастыря, бьютъ челомъ, припадая къ его честнымъ ногамъ. Нероновъ называется здѣсь „вышестественнымъ, равноангельнымъ, крѣпкимъ поборникомъ по истинѣ и по церкви Христовой въ послѣднемъ семъ и лютомъ времени, храбрымъ воиномъ Христовымъ; новымъ исповѣдникомъ, страдальцемъ, святымъ страсготерпцемъ“. Оба Посланія принадлежатъ къ раннѣйшимъ произведеніямъ расколдичьей письменности (1654—55 г.) и отражаютъ старообрядческую доктрину въ самой первой стадіи ея развитія. Въ первомъ перечисляются только слѣдующіе „нововведенные догматы“: „непоклонническая ересь“, т.е. извѣстное распоряженіе патр. Никона о поклонахъ на великопостной молитвѣ Ефрема Сирина и—„во исповѣданіи вѣры не исповѣдывати Духа Святаго истиннымъ“, т.е. постановленіе собора (мартъ 1655) объ исключеніи изъ восьмого члена символа вѣры слова „истиннаго“. Въ этихъ „новшествахъ“ Андрей Плещеевъ видитъ исполненіе пророчества „Книги о вѣрѣ“ объ отпаденіи восточной церкви къ Римскому престолу, котораго онъ ожидаетъ въ 1666 году. Проповѣдникомъ и наставникомъ ересей признается Арсеній грекъ, „соблазвившійся въ Латынѣ“. Во второмъ Посланіи указаны тѣ же „ереси“, только сосредоточивается больше вниманія на исповѣданіи Духа Святаго истиннымъ, на защитѣ стараго чтенія символа. Здѣсь настойчивѣе указывается и приближеніе царства антихриста. Все это доказываетъ, что нѣкоторые духовныя дѣти Неронова раздѣляли его взглядъ на современныя распоряженія церковной власти. А сличеніе Посла-

1) I, 20—26.

2) Посланіе Андрея Плещеева къ Аввакуму. Пр. Соб. 1858, II, 591.

3) Посланія на данны проф. Бороздинымъ, Протопопъ Аввакумъ ², прилож. 4—6. Ихъ полное заглавія „Списокъ съ отписокъ дѣтей духовныхъ отца Іоанна Савина, Григорія, Андрея, Герасима Плещеевыхъ, вхже писаша отъ жалости ко отцу Іоанну въ Каменскій монастырь, слово въ слово“.

нѣи Плещеевыхъ съ писаніями самого Неронова даетъ знать, что они пользуются его терминологіей—„непоклонническая ересь“¹⁾, повторяютъ его аргументацію о наступленіи послѣднихъ временъ изъ Книги о вѣрѣ²⁾, такъ же какъ Нероновъ нападаютъ на Арсенія Грека³⁾. Плещеевы были его вѣрные послѣдователи. Въ заключеніе второго Посланія они сѣтуютъ на удаленіе Ивана, на свою безпомощность въ тяжелое время, сознаютъ необходимость его нравственного и религіознаго руководства. „Обаче и въ печаль немалу впадохомъ, помышляюще свое пребываніе, зане, егда видѣхомъ твое святое житіе, тогда поне мало въ доброе помышленіе приходихомъ; нынѣ же бѣдни къ кому прибѣгнемъ, и отъ грѣхъ себе отставити кого научимся, и отъ широкаго и пространнаго пути, ведущаго въ погибель, удалятися отъ кого навывкнемъ, и узкими враты и прискорбнымъ путемъ ходити, ведущимъ въ животъ, кому подражаемъ“? Они просятъ Неронова не лишать ихъ учительнаго писанія. Извѣстно, что Нероновъ писалъ имъ раньше: съ своимъ роднымъ сыномъ Теофилактомъ онъ прислалъ имъ грамоту изъ Спасо-Каменскаго монастыря⁴⁾. Итакъ, въ своемъ противленіи церкви Иванъ Нероновъ шелъ объ руку съ нѣкоторыми изъ своихъ духовныхъ дѣтей⁵⁾. Въ 1656 году Ивана Неронова, тогда старца Григорія, отлучаютъ отъ церкви съ его едино-

1) I, 55; ср. 54, 76, 87—90, 106.

2) Указанныя слова изъ Книги о вѣрѣ разумѣлъ Нероновъ, когда передавалъ свое извѣстное видѣніе постомъ 1653 г. „Іоанне дерзай и не убойся до смерти: подобаетъ ти укрѣпити царя о имени моемъ, да не постраждетъ здѣсь Русія, якоже и юниты“. I, 99—100; ср. прим.; см. также 150 стр.

3) I 65—65; ср. 66—67, 150. Правда, перечень новшествъ у Плещеевыхъ не полонъ: почему-то они пропускаютъ троеперстіе, противъ котораго вооружался Нероновъ (54, 72), опускаютъ вопросъ объ аллилуйи.

4) Кромѣ того изъ Вологды въ іюль 1655 г. Нероновъ шлетъ Посланіе всей братіи, рядомъ текстовъ изъ писанія ободряя ее на борьбу. I, 119—123.

5) Ему сочувствовали духовныя дѣти, оставшіяся въ Москвѣ, но они сопровождали его и въ ссылкѣ. Въ 1655 г. онъ ушелъ изъ Кандалашскаго монастыря съ трюми дѣтьми духовными, которые были съ нимъ въ этомъ монастырѣ,—съ Алексѣемъ, Силою и Василиемъ. Впрочемъ эти духовныя дѣти Неронова были въ то же время его „работниками“. I, 137, 139, 141, 143. Кромѣ четырехъ Плещеевыхъ и этихъ трехъ слугъ извѣстенъ по имени только одинъ духовный сынъ Неронова—Іосифъ Іосифовичъ толмачъ, жившій въ 1666—67 гг. у грузинскаго царевича. I, 223.

мышленниками ¹⁾. Нероновъ поколебался, сталъ каяться и извѣщалъ послѣдователей писаніями о своихъ заблужденіяхъ. Такое настроеніе продолжалось недолго, и Нероновъ опять таки не одинъ, а съ единомышленниками своими возвратился на прежнія заблужденія ²⁾. Наконецъ, на соборѣ 1667 года онъ подалъ свою челобитную, гдѣ, отрекаясь отъ всѣхъ своихъ заблужденій, просилъ государя, патріарховъ и весь соборъ о помилованіи и разрѣшеніи. На этотъ разъ онъ не измѣнилъ церкви до конца жизни: „принялъ напослѣдокъ три перста, сообщаетъ о немъ съ грустью Аввакумъ, да такъ и умеръ“ ³⁾.

Приведенный разсказъ показываетъ, какъ вмѣстѣ съ заблуждающимся священникомъ колебались и его единомысленные послѣдователи, то сближаясь съ церковью, то удаляясь отъ нея, но оставаясь всегда вѣрными своему руководителю. Въ концѣ-концовъ сторонники Неронова, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, оказались въ церкви, даже ея защитниками. Извѣстный намъ Андрей Плещеевъ пишетъ Аввакуму Посланіе, увѣщая его возвратиться въ церковь, доказываетъ, что исправленіемъ книгъ и обрядовъ отнюдь не вносится ничего новаго и примѣрами доказываетъ нужду въ этихъ исправленіяхъ. Онъ вспоминаетъ Аввакуму свою прежнюю дружбу, проситъ его слѣдовать мудрѣйшимъ, вѣдущимъ разумъ божественныхъ писаній и подчиниться рѣшеніямъ вселенскихъ патріарховъ, другими словами, проситъ Аввакума поступить такъ же, какъ поступилъ ихъ общій духовный отецъ Нероновъ ⁴⁾. Посланіе относится, очевидно, къ тому времени, когда Нероновъ, отлученный соборомъ 1656 г., временно обратился съ своими единомышленниками въ церковь ⁵⁾. И Посланіе Андрея Плещеева

¹⁾ I, 130—131.

²⁾ Дѣян. соб. 1666 г. по изд. Бр-ва св. Петра, 33 л. об. Ср. II, 6—7.

³⁾ I, 240—243; ср. 2 прим. Нероновъ скончался 2 янв. 1670 г. архимандритомъ Данилова монастыря въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и погребенъ на папертяхъ соборнаго храма. *Прот. Свирьлинъ*, Свѣдѣнія о жизни архим. Переславскаго Данилова монастыря Григорія Неронова. Труды Владим. Архивной Комиссіи, кн. 6, стр. 1—47.

⁴⁾ Пр. Соб. 1858, II, 591—598.

⁵⁾ Аввакумъ писалъ отвѣтъ Плещееву. Онъ изданъ *Бороздинъ*, Прот. Аввакумъ, прилож., 6—11. Ср. изслѣд., стр. 115—119. Посланіе Андрея Плещеева къ Аввакуму писано, вѣроятно, въ 1664 г., когда послѣдній вернулся изъ Сибири.

является для насъ нагляднымъ свидѣтельствомъ того, какъ по слѣдамъ Неронова неизмѣнно шли его единомышленныя духовныя дѣти.

Несомнѣнно, самая видная роль въ начальной исторіи старообрядства принадлежитъ *протопопу Аввакуму*. Въ то же время онъ является наиболѣе ясной, всесторонне очерченной фигурой. Для насъ Аввакумъ одинъ изъ немногихъ живо описанныхъ духовниковъ древней Руси. У него было много духовныхъ дѣтей: „сотъ съ пять или съ шесть будетъ“ ¹⁾. Болѣе 30-ти изъ духовныхъ чадь своихъ Аввакумъ называетъ по имени въ разныхъ мѣстахъ своихъ писаній ²⁾.

1) V, 10.

2) Можно составить довольно длинный списокъ духовныхъ дѣтей Аввакума по его сочиненіямъ.

1. *Дьяконъ Ѳеодоръ*. V, 175 и мн. др. VI (соч. самого Ѳеодора) 125—126 ср. 60.

2. *Аванасій Юродивый*, въ иночествѣ старецъ Авраамій. V, 76—77, 237, 264. Это одно лицо съ старцемъ Аврааміемъ, извѣстнымъ раскольничьимъ писателемъ, сочиненія котораго помѣщены въ VII, отчасти въ VIII т. Матеріаловъ для исторіи раскола. Аввакумъ рассказываетъ, какъ Павелъ Крутвцкій билъ его духовнаго сына юродиваго Аванасія въ иночествѣ Авраамія (*Барсковъ*, Памятники, 201—202), но такой же случай съ собою передаетъ дважды и писатель Авраамій (VII, 267 и 391). Ср. Хр. Чт., 1889, I 709—10. *Проф. П. С. Смирнова* Внутр. вопросы въ расколѣ, IX, пр. 12.

3. *Ѳеодосья Прокопьевна Морозова*, урожденная Соковнина (въ иночествѣ Ѳеодора). V, 65 и мн. др.

4. *Евдокія Прокопьевна Урусова* (сестра Морозовой). V, 65—65.

5. *Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ*, сынъ боярыни Морозовой. V, 193.

6. *Марья Герасимовна Дамилова*, „соузница“ Морозовой и Урусовой. V 181—188, особ. 185.

7—8. „Начальникъ“ *Евзимій Степановичъ* и жена его *Неонила* (V 14—15), вѣроятно, бывшіе духовными дѣтьми, когда Аввакумъ служилъ священникомъ въ селѣ Лопатицахъ.

9. *Попъ Ахиндинъ Ивановъ*. *Барсковъ*, 40.

10. *Дѣвица*, неизвѣстная по имени, приходившая къ Аввакуму на исповѣдь въ с. Лопатицахъ. V, 10—11.

11—12. *Лука и Лаверентій*, духовныя дѣти Аввакума изъ той же поры его жизни. V, 11.

13. Юродивый *Ѳеодоръ*, котораго Аввакумъ встрѣтилъ въ Устюгѣ. V, 66, 75—76.

14. Дѣвица *Анна* (въ иночествѣ Агаея) въ Тобольскѣ. V, 103; ср. 106, прим.; 106, ср. 108, прим.

Этотъ списокъ показываетъ, что составъ духовной семьи первоучителя раскола былъ очень разнообразенъ. Тутъ были—боярыни, воеводы, священники, дьяконы, иноки, инокини, юродивые и простые вѣрующіе, дѣвицы, вдовы и дѣти. Духовныя дѣти Аввакума были разсѣяны всюду, гдѣ при-

15. *Не названный* по имени сынъ духовный въ Тобольскѣ. V, 105; ср. 108, пр.

16—17. *Марья и Софья* вдовы, сѣвныя любленницы воеводы Аванасія Пашкова, въ Даурской землѣ, потомъ инокини московскаго Вознесенскаго монастыря. V, 36—40.

18. *Пашкова Ѳекла Семеновна*, жена воеводы Аванасія Пашкова, тоже подстригшаяся въ Вознесенскомъ монастырѣ. V, 40, прим. 3. *Бороздинъ* ², 75.

19. *Лука Лаврентьевичъ*, московскій жилецъ, кожевникъ, юноша лѣтъ 25-ти. V, 83; ср. 75.

20. *Симеонъ*, мальчикъ 14 лѣтъ. V, 93.

21—22. *Попъ Дмитрій съ попадьей*. *Бороздинъ*, 15—16; ср. VIII, 111; *Барсковъ*, 35; ср. 300.

23. *Игуменья Амисья*, бывшая боярышня. V, 166, 167.

24. *Алексѣй Копытовскій*. VIII, 98.

25. *Матрѣяна Ѳедоровна*. V, 195.

26. *Григорій*, простой мірянинъ. VIII, 74—75.

Всѣ эти лица прямо названы протопопомъ дѣтими духовными.

27. Нѣкто *Сергій*, которому Аввакумъ пишетъ: „а грѣхъ-отъ тотъ возложи на выю мою“ т. е. передай мнѣ какъ духовному отцу. *Бороздинъ*, 28.

28. Игуменъ *Сергій*, въ мирѣ Симеонъ, котораго Аввакумъ называетъ „новымъ игуменомъ, старымъ моимъ чадомъ“, можетъ быть, одно лицо съ предыдущимъ Сергіемъ. VIII, 107.

29. *Елена Хруцова*, уставщица Вознесенскаго монастыря, которую Аввакумъ наказываетъ епитиміей. VIII, 94—96.

30. *Борисъ*. Онъ спрашиваетъ Аввакума о пѣніи и келейномъ правилѣ. Его протопопъ называетъ чадомъ и прощаетъ отъ всѣхъ грѣховъ. VIII, 89; V, 237.

31. *Родіонъ*, которому Аввакумъ грозитъ епитиміей и высказываетъ о своей великой власти и обязанностяхъ. VIII, 96—97.

32. *Лукіанъ*, которому за блудный грѣхъ Аввакумъ грозитъ проклятіемъ. VIII, 99.

33. *Кипріанъ юродивый* (?). I, 310, прим. *Макарій*, *Исторія*, XII, 608.

34. *Симеонъ*, называемый „чадо Симеоне“. V, 200—204.

35. *Аванасій Пашковъ*, называемый также. V, 132; ср. 163.

36. *Неизвѣстное лицо*, называемое „чадо“. V, 217.

Извѣстно, что Аввакумъ исповѣдывалъ бѣсноватаго стрѣльца Кирилла, жену Мезенскаго воеводы Алексѣя Цѣхановскаго Евдокію, дьяка Ивана Струну, своихъ родныхъ дѣтей (V, 96—98; 108, пр.; 23; 54). По мнѣнію *Макарія* (*Исторія*, XII, 601), Аввакумъ былъ духовникомъ всего отряда въ 600 человекъ, посланнаго въ Даурскую землю съ Аванасіемъ Пашковымъ.

ходило ему служить, страдать за вѣру или только проѣзжать въ ссылку—въ нижегородскомъ селѣ Лопатицахъ и на Москвѣ, въ Тобольскѣ и въ Даурской землѣ, въ Устюгѣ и на Мезени. Усердный священникъ, Аввакумъ былъ выдающимся духовникомъ. Ужь конечно, не даромъ ему предлагали завидный постъ царскаго духовника ¹⁾. Еще будучи молодымъ пастыремъ, Аввакумъ понялъ всю трудность и всю высоту духовническихъ обязанностей. Разъ пришла къ нему на исповѣдь дѣвица и въ церкви предъ евангеліемъ каялась во многихъ грѣхахъ своихъ, особенно блудныхъ и противоестественныхъ. „Азь же треокаянный врачъ, сознается Аввакумъ, самъ разболѣлся, внутрь жегомъ огнемъ блуднымъ. И горко мнѣ бысть“. Тотчасъ же онъ зажегъ три свѣчи на аналоѣ; протянулъ надъ ними правую руку и держалъ, пока не угасло „злое разженіе“. Когда Аввакумъ воротился домой, онъ со слезами сталъ молиться о томъ, чтобы отлучилъ его Богъ отъ дѣтей духовныхъ: „понеже бремя тяжко, неудобноосимо“. Тутъ его успокоило видѣніе, смыслъ котораго, кажется, такой, что отъ его обращенія съ духовными дѣтьми получается взаимная духовная польза и для дѣтей и для него, духовнаго отца ²⁾.

Въ свои отношенія къ дѣтямъ духовнымъ Аввакумъ вноситъ много страстности, отличавшей всю его дѣятельность. Читая его писанія, можно видѣть, что ни къ кому изъ нихъ онъ не былъ далекъ, равнодушенъ и безразличенъ. Смотря по обстоятельствамъ—то онъ нѣженъ и жалостливъ, какъ сердобольная мать, и расточаетъ дѣтямъ свои неуклюжія ласки, горемыкамъ, страдальцамъ за вѣру посильныя утѣ-

¹⁾ Предлагали, конечно, подъ условіемъ, если онъ соединится съ церковію: V, 65. Но Аввакумъ желалъ быть лучше справщикомъ. Въ другомъ мѣстѣ, упрекнувъ митр. Павла Крутицкаго и Рязанскаго епископа Иларіона за властолюбіе, Аввакумъ говоритъ: „Вотъ и меня въ духовники звали, да какъ о Христѣ Іисусѣ не захотѣлъ, да не захотѣлъ же, да живу себѣ въ ямѣ съ братією о Христѣ Іисусѣ; вертепъ сей лучше мнѣ Синайскаго горы о Святѣмъ Дусѣ“. *Возрожденіе*, Прилож., стр. 34.

²⁾ Аввакумъ видѣлъ, что плывутъ по Волгѣ два золотыхъ корабля; на нихъ по одному кормщику. Онъ спросилъ, чьи это корабли, и ему отвѣтили: „Лукинъ и Лаврентьевъ“. „Сіи быша, поясняетъ Аввакумъ, ми духовныя дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія и скончались богоугодно“. Третій и наиболѣе красивый корабль принадлежалъ самому Аввакуму. V, 10—11.

шенія; то грубъ и надмѣненъ, какъ дурной начальникъ, и осыпаетъ сына площадною бранью; въ иныхъ случаяхъ замѣтно смѣшанное настроеніе—брань и ласка чередуются. „Дитятко“, „дѣтѹшки миленькія мои“, „Аванасьѹшко миленькой“, „Алексѹшко, миленькій мой“, „чадо церковное, чадо драгое, Феодосья Прокопьевна (Морозова)“, „изрядное, избранное дитятко церковное и мое грѣшнаго“, „изрядные дѣтки“ — вотъ эпитеты, которыми награждаетъ Аввакумъ своихъ единомысленныхъ и покорныхъ дѣтей. Но послушаемъ, какъ онъ ругательски ругаетъ извѣстнаго расколуучителя дьякона Феодора, нехотѣвшаго принимать его странныхъ догматическихъ воззрѣній: „Молодой ценнокъ, Федоръ дьяконъ, сынъ духовный мнѣ учаль блудить надъ старыми книгами и о святѣй Троицѣ преткнулся, и о Христовѣ во адъ сошествіи и о иныхъ, догматствуя по-никоніански нелѣпно... Аввакумъ его отлучилъ и проклялъ. „Федка а Федка, обращается онъ къ Федору... Охъ! б...нъ сынъ, собака косая, дуракъ страдникъ!“ „А Федка... со единомысленники проклять да есть ей да будетъ и будетъ въ вѣкъ собака, б...нъ сынъ, адовъ песъ. Вотъ тебѣ отступникъ пѣсни пѣснямъ Соломоновы! Играй подѣ клятвою вѣчною, затворилъ ты Богъ въ противленіи истинѣ, погибай съ своими окаянный! Федька поганецъ, слушай“ и т. д. „Отступникъ“, „гордый песъ“, „гордоустъ“, „алгмѣй“, „дитятко проклятое“, „дитятко бѣшеное“¹⁾—вотъ ласковыя имена, которыми Аввакумъ осыпаетъ непокорнаго сына. На его языкѣ это значило „поворчать“, „пожурить“, „искусить“ духовнаго сына. Бранчивость была обычнымъ литературнымъ настроеніемъ протопопа Аввакума; она подчасъ вызывалась не очень важнымъ проступкомъ духовнаго чада. Инокинѣ Анисѣ онъ даетъ тяжелую заповѣдь, кажется, за то, что она не хотѣла подчиняться игуменьѣ. „Не тяжело ли тебѣ кажется сіе заповѣданіе? спрашиваетъ ее Аввакумъ. Да ино прибавить противу ума твоего, безумная, скотина безсловесная, червь, гной, грязь!“ А чрезъ нѣсколько строкъ: „Ну, прости, дитятко.—молися о мнѣ!“ Боярынѣ Морозовой онъ пишетъ: „Блюди себевозношенія, инока схимница! Дорога ты, что въ черницы-те попала,

¹⁾ V, 175—176. *Бороздинъ*, Прилож., 119—123; VIII, 108, 112; 219—222.

грязь худая? А это ты,—не Феодосья ли дѣвица преподобно-мученица; еще не дошла до тое версты! Ну, полно бранится. Прости,—согрѣшилъ“¹⁾).

У Аввакума былъ очень опредѣленный положительный идеалъ исправныхъ дѣтей духовныхъ. Физическая чистота, аскетическая настроенность, точное и усердное выполнение церковнаго устава и келейнаго правила, суровый подвигъ и, наконецъ, вѣрность православію или старому обряду—таковы требованія, которыя предъявлялись Аввакумомъ къ дѣтямъ духовнымъ. „Изрядныя дѣтки“ тѣ, которыя „играть перестали и правильца держаться стали“, „не живутъ безъ правильца и канонцы всегда сами говорятъ на правилѣ“²⁾. И вотъ по мѣрѣ силъ Аввакумъ воспитываетъ духовныхъ дѣтей своихъ въ этомъ направленіи. Какимъ-то неназваннымъ чадамъ своимъ Аввакумъ повторяетъ известное предписаніе о супружескомъ цѣломудріи, данное Кирикомъ и разработанное послѣдующими духовниками³⁾. Морозовой онъ пишетъ: „Свѣтъ моя государыня! Люблю я правило ночное и старое пѣніе. А буде обленится на ночное правило, тотъ день окаяннѣеи плоти и ѣсть не давай. Не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ее подавлять! Да переставай ты и медокъ попивать. Намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лутчи, что боярыня? А честь пролетаетъ. Единъ честень,—тотъ, кто ночью возстаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить“. Затѣмъ онъ предписываетъ духовной дочери ночное правило—300 поклоновъ и 700 молитвъ,

1) V, 178, 169—170.

2) V, 40; VIII, 110; ср. V, 103—104, 200.

3) „Немощи ради наша данъ вамъ бысть законъ; безгрѣшно и чисто законное ложе по согласію ко времени; еже есть время, глаголетъ апостоль, понедѣльникъ, вторникъ, четвертокъ, аще праздника нѣтъ; среда же и пятокъ, суббота и недѣля да хранима бываетъ, и праздники во весь годъ, и великій постъ, и Пасха до Ѳомины недѣли“. Аввакумъ раздѣляетъ воззрѣнія Кирика на законъ наслѣдственности, но у этого оригинальнаго писателя онъ является въ своеобразномъ видѣ. „Аще, не измывся по мечтаніи, со женою падеши и зачнешь во утробѣ дѣтище, или бѣсно родится, или безумно, или инако развращенно и недостаточно. Егда же кая жена стропотствуетъ ложю его (есть писано въ Палее), у таковыхъ дѣти неблагообразны, или косы, или бриласты, или вѣмы. Аще виномъ упивается жена, у таковыхъ рождаются плешаты“. *Бороздинъ*, 131.

распредѣляетъ по разрядамъ самыя поклоны и росписываетъ ихъ по разнымъ временамъ церковнаго года ¹⁾. Другой дочери онъ даетъ правило о пищѣ. „Маремьяна!.. Ышь пожалуй во вторники-тѣ и въ четверги-тѣ,—Богъ проститъ тя! Правила не терай, молитвъ и поклоновъ; и о мнѣ моли Бога“ ²⁾. Духовныя дѣти Аввакума просятъ у него указанія и руководства въ подвигахъ. Борисъ спрашиваетъ его о пѣнн церковномъ и о келейномъ правилѣ. Юродивый Ѳеодоръ прибръль съ Рязани въ Москву спроситъся у своего духовнаго отца, „туды ль мнѣ опять мучитца пойти, или, платье вдѣвъ, жить на Москвѣ“? Аввакумъ велѣлъ ему надѣть платье ³⁾.

Есть у Аввакума и общія разсужденія о правилѣ ночномъ, вызванныя вопросомъ его духовнаго сына Бориса. Вопреки неизмѣнному и непоколебимому правилу церковнаго пѣнн, ночное келейное правило неоднобразно. „Отцы законоположиша кто сколько можетъ,—или поклоновъ 300, или 600, или 1000, съ ними же Ісусовы молитвы или 600 и седьмое Богородицѣ, или вдвое, или втрое, какъ кто хочетъ и можетъ“. Здѣсь же онъ своеобразными чертами описываетъ то, что въ аскетикѣ называется умною молитвой. „А то какъ въ правду-ту молиться, зажмурь глаза-тѣ, да умъ—отъ сквозь воздухъ и твердь и ефирь отпусти къ Надеждѣ—тому и престолу Его, а самъ ударся о землю, да лежи и не вставай плачучи: уж-жо умъ-отъ Христа-того притащить съ неба-того, какъ оскорбишь гораздо сердце-то. А то влагодящее сердце,—какому пришествію Духа быть?“ ⁴⁾. Таковъ путь, которымъ велъ свое духовное стадо протопопъ Аввакумъ: въ тѣлесной чистотѣ, въ сотняхъ поклоновъ и молитвъ, въ обязательной ночной молитвѣ и молитвенномъ экстазѣ онъ искалъ спасенія какъ для себя, такъ и для дѣтей духовныхъ. Случалось, что онъ подвизался съ ними вмѣстѣ. Въ „Житіи“ Аввакумъ превосходными чертами описываетъ свои совмѣстные молитвенные подвиги съ Ѳеодоромъ юродивымъ. „Зѣло у Ѳеодора того крѣпокъ подвигъ былъ: въ день юродствуетъ, а

¹⁾ V, 171—173.

²⁾ V, 238.

³⁾ VIII, 89 слѣд.; V, 75.

⁴⁾ VIII, 89—90; 92—93.

нощъ всю на молитвѣ со слезами. Много добрыхъ людей знаю, а не видалъ подвижника такова! Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ,—а мнѣ еще не моглося,—въ задней комнаткѣ двое насъ съ нимъ. И много часъ другой полежить, да и встанеть: тысячку поклоновъ отбросаетъ, да сядетъ на полу. А, иное, стоя, часа съ три плачетъ. А я таки лежу,—иное сплю, а иное неможется. Егда ужъ заплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступить: долго ли тебѣ протопопъ лежать-то! образумся,—вѣтъ ты попъ! Какъ сорома нѣтъ! И мнѣ неможется: такъ меня подымаетъ, говоря: встань миленькой—батюшко,—ну, таки встайся какъ нибудь! Да и раскачаетъ меня. Сидя мнѣ велить молитвы говорить,—а онъ за меня поклоны кладетъ. То-то другъ мой сердечный былъ! 1).

Въ отношеніи къ согрѣшившимъ дѣтямъ у Аввакума не было безпристрастія. Крутой и нетерпѣливый, прямой и властолюбивый протопопъ видѣлъ часто въ грѣхѣхъ духовнаго чада противленіе духовному отцу, свое собственное, личное дѣло. Тогда онъ терялъ остатокъ хладнокровія, горячился, бранился и бывалъ несправедливъ. Вотъ происшествіе, сильно искушавшее терпѣніе Аввакума. Родила его раба дѣвица. Со стороны указали и виновника—его сына Прокопія. Но Прокопій божится и запирается. „Да сіе мнѣ скорбно, жалуется Аввакумъ, яко покаенія не могу получитьъ“. То его подмываетъ проклясть блудника, то онъ боится казнить невиннаго 2). Съ согрѣшившими духовными дѣтьми своими Аввакумъ далеко не одинаковъ. Еленѣ Хрущовой, которая пыталась разлучить жену отъ мужа и уморить ребенка, Аввакумъ даетъ публичную епитимію въ семь лѣтъ и отлучаетъ ее отъ общенія. Но онъ, видимо, сострадаетъ ей, жалѣетъ грѣшницу, терзавшуюся раскаяніемъ. „Елена, а Елена! съ сестрами тѣми не сообщайся, понеже онѣ чисты и святы. А со мною водися, понеже я самъ шелудивъ, не боюсь твоей коросты, — и своей много у меня... Видала ли ты? Земскіе ярышки другъ друга не осуждаютъ. Тако и мы“. Онъ ее лишаетъ своего благословенія, пока очистится, но

1) V, 75—76.

2) V, 176—177. Надо знать, что своихъ дѣтей Аввакумъ исповѣдывалъ и причащалъ, хотя по нуждѣ (V, 54), такъ что Прокопій былъ духовнымъ сыномъ своего родиога отца.

потомъ замѣчаетъ, что въ случаѣ ея усердія можно и сократить срокъ епитиміи. „Жаль мнѣ ея гораздо; воздыхая, сице творю“ ¹⁾. Но Аввакума выводили изъ себя нераскаянность и хитрость грѣшника, его желаніе обманомъ уйти отъ строгой епитиміи. Лукіанъ согрѣшилъ блудомъ; Аввакуму онъ прислалъ грамотку, въ которой писалъ „лесть“, „а не покаяніе своему беззаконію“ т.-е., изворачиваясь и хитря, оправдывалъ себя. На это разгнѣванный отецъ ему пишетъ: „Не помышляй себѣ того, дуракъ, еже отъ Бога тебѣ кромѣ покаянія, помилованну быти... Кайся, треглавый змѣй, кайся! Еще ти даю нарокъ покаянія, да нѣчто малу отраду примешь... Собака, дура! Не хочу имени твоего рещи: согрубилъ ты Богу, чаяшь, у меня уйдешь? Не уйдешь, небось,—не наемникъ я, но душу свою полагаю за овца за страхъ Господа моего... Нѣсть ти мира и благословенія; а клятвы погожу возложить, али оплачеши грѣхъ свой пребеззаконный“ ²⁾. Не одни епитиміи и клятвы, но и физическое воздѣйствіе Аввакумъ употреблялъ какъ мѣру исправленія согрѣшившихъ. Извѣстны случаи, какъ онъ, поморивши голодомъ въ подпольи нераскаянную блудницу, билъ ее шелепомъ, какъ „постегалъ нарочито ремнемъ“ тобольскаго владычняго дьяка Ивана Струну за обиды причетнику, а потомъ принялъ на покаяніе ³⁾. Относительно упомянутаго сейчасъ Лукіана Аввакумъ распоряжается: „Миръ ти, Алексѣюшко, миленькой мой, — побей его, Господа ради, палкою по моему благословенію“ ⁴⁾.

Имѣя власть вязать и рѣшить, Аввакумъ представлялъ ее безграничной и, видимо, услаждался ею. „Не имать власти таковыя подъ вами и патріархъ, якоже азъ о Христвѣ,—пишетъ онъ духовнымъ дѣтямъ, кровію своею помазую душа ваша и слезами помываю“. Ни дальнее разстояніе ни продолжительное время не избавятъ ихъ отъ его карающей власти ⁵⁾. Во враждѣ Аввакума противъ дьякона Федора,

¹⁾ VIII, 94—97.

²⁾ VIII, 99.

³⁾ V, 254, 23. См. *Каптерева* Патр. Никонъ и царь Алексѣй, I, 379—80; *Бороздинъ*, 63—95.

⁴⁾ VIII, 99—100. Извѣстно также, что будучи протопопомъ въ Юрьевцѣ, Аввакумъ сажалъ на цѣпь прихожанъ, опоздавшихъ въ церковь. VIII, 91.

⁵⁾ VIII, 95, 97.

несомнѣнно, главную роль играли его оскорбленное самөлюбіе и властолюбіе, досада на то, что страдает авторитетъ его какъ духовнаго отца, хотя онъ и говоритъ, что положилъ на Ѳедора клятву „не ради внѣшнихъ досадъ“¹⁾. Мы видѣли, какъ величался Аввакумъ, совѣтуя Ѳедору играть подъ вѣчной клятвой! Въ одномъ мѣстѣ въ уста Ѳедора онъ влагаетъ слова: „а со отцемъ духовнымъ (т.-е. съ нимъ, Аввакумомъ) діаволь спроситца претить ми (о вопросахъ вѣры). и отъ него-де за воровство учинился проклять“²⁾. Аввакума оскорбляла независимость мысли Ѳедора дьякона. Извѣстно, какъ неприглядно велъ себя Аввакумъ въ этой богословской полемикѣ. Съ помощью стрѣльцовъ онъ взялъ Ѳедорово сочиненіе о предметѣ спора, выдралъ нужные ему листы и, испортивши ихъ, послалъ братьямъ, выдавъ за подлинныя писанія дьякона Ѳедора. „И сія вся писанія изгубилъ онъ у меня по зависти бѣсовской“, — жалуется Ѳедоръ на своего духовнаго отца³⁾. Аввакумъ постарался разгласить объ еретичествѣ Ѳедора и писалъ, хвалясь, что положилъ на него правило по рвенію. Дьяконъ Ѳедоръ, который былъ правъ въ своихъ догматическихъ воззрѣніяхъ, справедливо замѣчалъ, что клятва еретика недѣйствительна, а неправедная клятва, наложенная на духовныхъ дѣтей, подвергаетъ наказанію самого наложившаго⁴⁾. Они и померли кажется, не примиренными, потому что Аввакумъ не раскаялся въ своихъ хулахъ и заблужденіяхъ, — несмотря на то, что были сожжены за старую вѣру „въ единомъ срубѣ“ въ Пустозерскѣ⁵⁾. Аввакумъ принадлежалъ къ числу людей, которые всегда правы, которые считаютъ себя непогрѣшимыми, и потому такъ много заблуждался. По тому самому для нашей церкви и пропала эта крупная сила.

Конечно, возставъ противъ церкви, Аввакумъ повелъ свою

1) V, 176.

2) *Бороздинъ*, Прилож. 119—20.

3) VI, 131—132; VIII, 236—237. *Бороздинъ*, 195.

4) VI, 125—126.

5) Денисовъ сообщаетъ въ Виногр. Росс., будто Ѳедоръ просилъ предъ смертью прощенія у Аввакума и получилъ его. *Бороздинъ*, 145. Но это извѣстіе опровергается болѣе надежными „Сказаніями о распрягъ, происходившихъ на Керженцѣ изъ-за Аввакумовыхъ догматическихъ писемъ“. VIII, 260—261; ср. 283, 351—52. Бр. Ст. 1875, II, 265—74.

паству изъ ея ограды. Едва ли, однако, всѣ духовныя дѣти за нимъ послѣдовали: они были слишкомъ разбросаны по разнымъ градамъ и весямъ Русской земли. Но, вѣроятно, пошли за нимъ многія изъ его дѣтей и, несомнѣнно, поставившіе къ нему раскольники охотно выбирали его духовнымъ отцомъ въ благодарность за „спасеніе“, оставивъ своихъ прежнихъ духовниковъ.

Такимъ путемъ въ число духовныхъ дѣтей Аввакума попали очень видныя въ исторіи раскола лица. Въ Житіи боярыни Морозовой прямо говорится: „научена же бысть добродѣтельному житію и правымъ догматомъ священномученикомъ Аввакумомъ протопопомъ“. Ея дядя Михаилъ Ртищевъ объяснялъ самой боярынь ея упорство и фанатизмъ прельщеніемъ „злѣйшаго отъ врагъ протопопа... Аввакума, проклятаго нашими архіереи“. Въ отвѣтъ на это Морозова называетъ Аввакума истиннымъ ученикомъ Христовымъ, страждущимъ за правое ученіе ¹⁾: Вѣроятно, не безъ вліянія его склонилась на сторону старообрядства сестра Морозовой Урусова и соузница ихъ Марія Данилова, составлявшая вмѣстѣ „трисіянную троицу“, по выраженію Аввакума. Самъ Аввакумъ рассказываетъ о совращеніи имъ въ расколь Ѳедора Юродиваго. Встрѣтились они въ Устюгѣ, гдѣ юродствовалъ Ѳедоръ и куда попалъ Аввакумъ проѣздомъ изъ Сибири (1664): „Псалтырь у Ѳедора была тогда новыхъ печатей въ кельи, — маленько еще зналъ о новизнахъ. И я ему расказалъ подробну про новыя книги: онъ же, схвативъ книгу, тотчасъ и въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну“. Въ это время Ѳедоръ сдѣлался духовнымъ сыномъ ссыльнаго протопопа ²⁾. Какой-то попъ Димитрій, не разумѣя, служилъ по новому, потомъ „безъ покаянія“ сталъ опять служить по старому и прислалъ Аввакуму просвиру. Но протопопа будто бы стали мучить бѣсы, онъ бросилъ просвиру въ печь и отписалъ Димитрію. Тотъ покаялся и сдѣлался духовнымъ сыномъ Аввакума и съ попадѣей

¹⁾ VIII, 146, 151. Совращенію Морозовой содѣйствовала еще Меланія, ученица Аввакума. VII, 147, 151. Игнатій Тобольскій, Три посланія, 136. почему-то утверждаетъ, что Морозову совратили Аввакумъ, Лазарь и Никита.

²⁾ V, 76.

своей. Сюда надо причислить Алексѣя Копытостоваго, „новорожденное чадо“ протопопа Аввакума ¹⁾.

Во главѣ съ Аввакумомъ его духовныя дѣти составили довольно прочную и дружную семью. Противленіе церкви, оппозиція новшествамъ, несомнѣнно, много содѣйствовали прочности этой покаяльной семьи. Мы видимъ, что Аввакумъ въ Москвѣ, поселился у Морозовой. „У свѣта у Федосьи Прокопьевны Морозовой не выходя жилъ во дворѣ, понеже дочь моя духовная, и сестра ея княгиня Евдокія Прокопьевна дочь же моя“ ²⁾. По всему замѣтно, что онъ былъ очень близокъ къ этимъ мученицамъ старовѣрства. Онъ „знаетъ тайныя подвиги Морозовой—ночныя молитвы, власяницу подъ одѣянїемъ, милосердіе и нищелюбіе, служеніе больнымъ и непрестанный трудъ; знаетъ все это потому, что самъ руководилъ ее въ подвигахъ“ ³⁾. Онъ видѣлъ боярыню счастливой матерью, когда она гладила по головкѣ своего единственнаго сына Ивана, любовалась, какъ онъ на лошадакъ поѣдетъ или стегала чотками ⁴⁾. Помнилъ хорошо Аввакумъ, какъ „боярила“ Морозова, разсуждала „домочадцевъ и деревенскія крестьянскія нужды“, сколько сотенъ рабовъ и тысячъ крестьянъ было въ ея распоряженіи и владѣніи, — какъ вообще велики ея богатства. Такъ же хорошо знали Аввакумъ и объ Урусовой, „дѣти бо мнѣ духовныя, объясняетъ онъ, и вѣдаю про нихъ извѣстно“ ⁵⁾. Въ домѣ Морозовой былъ прїютъ для ераскольниковъ, и здѣсь мы встрѣчамъ духовныхъ дѣтей Аввакума: Федора юродиваго, котораго Аввакумъ самъ отвелъ къ ней, также юродивыхъ Кипріяна и Аванасія (въ иночествѣ Аврамія) ⁶⁾. Аввакумъ былъ сосланъ сначала на Мезень, потомъ въ Пустозерскъ. Родная семья его бѣдствовала, и Морозова шлетъ деньги бѣдной протолицѣ Марковнѣ съ дѣтьми ⁷⁾. Много тратила она на по-

1) *Бороздинъ*, Прилож., 15—16; V, 197—199; *Барсковъ*, Памятвники, 35; VIII, 98:

2) V, 65—66.

3) V, 188—190.

4) V, 193.

5) V, 193, 182—183, 267.

6) VIII, 184; I, 401—402; 310, прим.; VIII, 184.

7) V, 194; *Барсковъ*, 37. Не забывала бывшую протопопицу съ дѣтьми другая духовная дочь Аввакума вѣкая Маремьяна Федоровна. V, 195.— Морозовой послѣ ссылки Аввакума пришлось выбрать другого духовника

мощь страдавшимъ за старую вѣру, и они охотно пользовались ея благостыней; даже домогались, что-бы Морозова отдавала на общее дѣло пятую долю своихъ доходовъ ¹⁾. Недавно открытыя письма Аввакума и самой Морозовой даютъ знать, что отношенія внутри покинутой Аввакумомъ духовной семьи не были чужды трений. Любимый сынъ протопопа юродивый Федоръ какимъ-то проступкомъ возмутилъ Морозову, и она вынуждена была изгнать его изъ своего дома. За это Федоръ всячески поносилъ ее, вооружилъ противъ боярыни Марковну и дѣтей Аввакума, писалъ ему жалобы въ Пустозерскъ. Морозова съ своей стороны жалуется на обидчика, проситъ Аввакума наказать епитиміей Федора. Аввакумъ, однако, становится на его сторону и негодуетъ на то, что боярыня посмѣла дѣлать указанія ему, какъ духовнику ²⁾. Родныя дѣти Аввакума перехватывали письма отца къ боярынь и прочитывали ихъ. Изъ замѣчанія Морозовой: „А духовныя наши все разно стали, немного, которыя правды вовсе держатъца; да не диво такъ, батюшко: время то пришло“ видно, что ея кружокъ расстроился, согласія въ немъ не стало. Но даже, разошедшись другъ съ другомъ, они остались вѣрны общему духовному отцу, томившемуся въ ссылкѣ ³⁾.

Скоро пришла очередь страдать за вѣру и духовнымъ дѣтямъ протопопа. Разосланныя по разнымъ мѣстамъ, разлученныя силой отъ духовнаго отца своего, дѣти Аввакума не разрываютъ съ нимъ связей и общенія. Происходитъ оживленная переписка. Дѣти шлютъ ему многочисленныя грамотки; онъ имъ отвѣчаетъ посланіями. Урусова и Данилова послали Аввакуму письмо съ жалобами на свою судьбу. „Евдокія да Марія оханье прислали ко мнѣ: а у меня и своего много! Гля-

въ 1672 г. духовнымъ отцомъ ея былъ попъ Прокопій. *Барсковъ*, 314—315. Но она не перестаетъ поддерживать Аввакума и его семью въ силу принципа духовнической несмѣняемости.

¹⁾ *Барсковъ*, 34.

²⁾ „Да пишешь ты ко мнѣ въ сихъ грамоткахъ на Федора, сына моего духовнаго, чтобъ мнѣ ему запретить отъ св. Тайнъ по твоему повелѣнію и ты, будго патріархъ, указываешь мнѣ, какъ васъ, дѣтей духовныхъ управлять ко царству небесному. Охъ, увы, горѣ! бѣдная, бѣдная моя духовная власть! Ужъ мнѣ баба указываетъ, какъ мнѣ пасти Христова стадо“... Далѣе брань. *Барсковъ*, 42.

³⁾ *Барсковъ*, 33—45; 297—298. Ср. V, 194.

дѣль-глядѣль въ ваше рукописаніе-то: огорчилась утроба, я ударился о землю“... 1) Сама Морозова не одинъ разъ извѣщала Аввакума о распрѣ съ Ѳеодоромъ юродивымъ, а передъ смертью писала ему, каясь въ грѣхахъ и сокрушаясь о судьбѣ своихъ племянницъ-дѣвушекъ, дочерей Урусовой. Посланіе боярыни было особенно дорого Аввакуму. „Рукою своею наморала на обѣ стороны столбецъ; а другая также и третья. Да долго столпци тѣ были у меня: почту да поплачу, да въ щелку запехаю. Да бѣсъ—собака изгубилъ ихъ у меня“ 2). Алексѣй Копытовскій пишетъ Аввакуму утѣшительное посланіе, Лукіанъ грамотку о своемъ грѣхѣ 3). Старецъ Аврамій писалъ ему грамотки; въ тѣхъ грамоткахъ своихъ сильно хваливъ его и спрашивалъ о великихъ дѣлахъ 4). Игумень Сергіи прислалъ выписъ изъ толковой псалтири 5). И Аввакумъ разсылаетъ многочисленныя посланія своимъ „горемыкамъ миленькимъ“. Теперь извѣстно восемь посланій его къ Морозовой и ея сподвижницамъ. Здѣсь мы видимъ то попытки примирить своихъ духовныхъ чадъ, то наставленіе о келейномъ ночномъ правилѣ, то ворчливое утѣшеніе въ несчастіи, что мальчика Ивана Морозова передъ смертью причастилъ попъ никоніанинъ, то воспоминаніе о прежнихъ тайныхъ подвигахъ боярыни, то хвалу и восторженное умиленіе предъ славными страданіями за вѣру „трисіятельнаго солнца и немерцающихъ звѣздъ: святой Ѳеодосіи, блаженной Евдокіи и страсотерпицы Маріи“ 6). Этихъ самоотверженныхъ послѣдовательницъ своихъ Аввакумъ не считалъ, однако, способными проповѣдницами „правой“ вѣры. На женщину онъ смотрѣлъ свысока, глазами до-петровской Руси: А у васъ, свѣты мои, какое догматство между собою?—снисходительно спрашиваетъ Аввакумъ знатныхъ страдалецъ. Женской бытъ—одно говори: какъ въ старопечатныхъ книгахъ напечатано, такъ я держу и вѣрую, съ тѣмъ и умираю. Да молитву Иисусову грызи, да и все

1) V, 177.

2) VIII, 110.

3) VIII, 99.

4) VII, 389; ср. V, 237.

5) VIII, 111—12.

6) Барсковъ, 33—35, 39—40, 42—43; V, 171—195.

туть“ ¹⁾. Но онъ хорошо видѣлъ, что ихъ готовность даже умереть за убѣжденія убѣдительноѣ всякой проповѣди, и не разъ одушевлялъ ихъ на страданія. „Мучтесе за Христа хорошенъко, не оглядывайтесе назадъ“ ²⁾. Одушевляя мученицъ, онъ обращается къ нимъ, какъ къ любимымъ дѣтямъ духовнымъ и приглашаетъ ихъ слѣдовать за собой. „Молю вы о Господѣ, дѣти мои (*вар.* дѣтки мои) духовныя, святы и истинніи раби Христовы,—Богъ есть съ нами и никто же на ны! Кто можетъ насъ разлучити отъ любви Христовы? И самъ діаволь не учинитъ намъ ничего стоящимъ и держащимся за Христа крѣпщѣ... Ну, госпожи мои—свѣты запечатлѣемъ мы кровію своею нашу православную вѣру христіанскую“ ³⁾. Изъ своего заключенія, изъ темницы какъ изъ гроба, Аввакумъ писалъ посланія и другимъ менѣе извѣстнымъ исторически своимъ духовнымъ дѣтямъ. Во посланіи Маремьянѣ Федоровнѣ онъ шлетъ благословеніе всѣмъ страждующимъ за старую вѣру, знаемымъ и незнаемымъ. Въ случаѣ отреченія отъ нея „муками и томленіемъ“ онъ требуетъ—покаяніемъ прицѣпляться паки къ первому православію. Въ трехъ посланіяхъ чаду Симеону говорится о жестокихъ преслѣдованіяхъ за старый обрядъ и горькой заgrabной судьбѣ ихъ виновника царя Алексѣя ⁴⁾. Въ посланіи къ нѣкому Сергію, фанатически настроенному и, кажется, ругавшемуся иконамъ, написаннымъ по новому, Аввакумъ проповѣдуетъ и одобряетъ самосожигательство ⁵⁾.—Посланіе Алексѣю Копытовскому, „новорожденному чаду“, содержитъ увѣренность въ непоколебимости его убѣжденій, благодарность за утѣшительное посланіе и извѣстныя намъ обличенія Лукіана ⁶⁾.—Въ другихъ посланіяхъ Аввакума, писанныхъ къ группѣ лицъ, мы встрѣ-

¹⁾ V, 176. По другому поводу онъ писалъ Морозовой: „у бабы волосы долги, а умъ коротокъ“. 194.

²⁾ V, 194.

³⁾ V, 185, 188.

⁴⁾ V, 200—214.

⁵⁾ *Бороздимъ*, 28—31. Аввакумъ не называетъ Сергія духовнымъ сыномъ, но приглашаетъ его передать свой грѣхъ надѣвательства надъ новыми иконами, чего не одобрялъ Аввакумъ, на выю его, другими словами, какъ духовному отцу.

⁶⁾ VIII, 98—100.

чаемъ обращенія къ духовнымъ дѣтямъ — то наставленіе о церковномъ цѣннн и келейномъ правилѣ ¹⁾, то предписаніе тяжелаго послушанія ²⁾, то угрозы проклятіемъ ³⁾ и продолжительную епитимію ⁴⁾, то заочное прощеніе всѣхъ грѣховъ ⁵⁾, то богословское разсужденіе о сошествіи Христа во адъ, то приглашеніе прилежать о проповѣди ⁶⁾. Отдѣленный пространствомъ отъ большей части духовныхъ дѣтей своихъ, но страдая за старую вѣру вмѣстѣ съ нимъ, Аввакумъ утѣшаетъ ихъ своею молитвою и ищетъ утѣшенія въ молитвахъ ихъ. Между нимъ и дѣтьми эта незримая, но крѣпкая связь молитвеннаго общенія. Въ трогательныхъ словахъ онъ проситъ дѣтей своихъ молиться за него. „Все развалилося, пишеть онъ инокинѣ Анисѣ, поддержи мою старость ты, стягни дряхлость мою, любезная моя, утверди малодушіе мое, избранная, воздохни и прослезися о мнѣ, рекше: Боже, милостивъ буди намъ со отцемъ, обремененнымъ грѣхами“ ⁷⁾. Самъ Аввакумъ ежедневно молился о своихъ разсѣянныхъ, страдающихъ или уже пострадавшихъ дѣтяхъ. „Ну, Борисъ, говоритъ онъ одному изъ нихъ, всегда прощенія говори; а я вѣдь слышу, и на всякъ день подважды кажу васъ кадиломъ и домы ваща вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ, и панихиды пою и мертвыхъ кажу, и благословляю васъ крестомъ Христовымъ и потомъ рукою своею грѣшною, пятью днемъ по всякомъ правилѣ. А ты за меня кланяешься ли Богу—свѣту? Я вѣдь о васъ молю, а вашихъ молитвъ требую же. Да и надѣюсь за молитвъ вашихъ спасень быти“ ⁸⁾. Онъ заботится о томъ, чтобы шло поминовеніе его покойныхъ дѣтей духовныхъ при тѣхъ церквахъ, гдѣ они лежали. „Козма! обращается онъ къ священнику, хорошо къ нему расположенному, дѣтей моихъ поминаешь ли, что у церкви твоей я погребъ?“ ⁹⁾. Все это показываетъ, что духовная семья

1) Борису. VIII, 89—93.

2) Анисѣ игум., бывшей боярышнѣ. V, 167—70.

3) Родіону. VIII, 96—97.

4) Оленѣ. VIII, 95.

5) Борису. V, 237.

6) Игум. Сергію. VIII, 107—108, 112; 107.

7) V, 167; ср. 170; VIII 93 и др.

8) V, 237—38.

9) VIII, 101—102. Что рѣчь здѣсь о духовныхъ дѣтяхъ Аввакума, а не

Аввакума была организована твердо, и это послужило во вредъ церкви.

Разумѣется, мы вовсе не думаемъ утверждать, что сфера вліянія Аввакума ограничивалась предѣлами его семьи. Вліяніе, дѣятельность этого „второго Павла“ въ исторіи старообрядства была безпримѣрно шире, простираясь на знаемыхъ и незнаемыхъ, на современниковъ его и старовѣрное потомство. Но есть твердыя основанія утверждать, что Аввакумъ имѣлъ великое обаяніе на дѣтей своихъ духовныхъ, онъ ихъ притягивалъ своей несокрушимой мощью, своей беззаветной преданностью вѣрѣ, и покаяльная семья Аввакума представляла ядро самыхъ несокрушимыхъ враговъ церкви, чрезъ которыхъ шло уже дальше вліяніе самого Аввакума, распространяясь въ оппозиціонныхъ кругахъ. Морозова называетъ его, какъ мы видѣли, истиннымъ ученикомъ Христовымъ, страдающимъ за правое ученіе. Инокъ Авраміи на допросѣ Павлу, митр. Крутицкому, заявлялъ: „а я отца Аввакума истинно Христова ученика исповѣдаю: сего ради и вопрошаю (его грамотами), хочу отъ него научиться всякому доброму дѣлу“ ¹⁾. Игумень Сергій говорить, что въ немъ „огненный умъ“ ²⁾. Но особенно характерный эпизодъ рассказываетъ самъ Аввакумъ въ „Житіи“. Изъ Москвы на Мезень съ родными дѣтьми Аввакума пріѣхалъ московскій жилецъ кожевникъ Лука Лаврѣнтьевъ. „И егда бысть въ дому моемъ всегубительство (допросъ и обыскъ), спросилъ его Пилать: какъ ты мужикъ крестисся? Онъ же отвѣща ему смиренномудро: я такъ вѣрую и крещуся, слагая персты, какъ отецъ мой духовный протопопъ Аввакумъ“ ³⁾. Луку удавили.

Аввакумъ торжественно заявлялъ, что на своихъ духовныхъ дѣтей онъ имѣетъ власть больше патриарха и всѣхъ ихъ спасеть. „Никто же отъ еретикъ восхититъ васъ, православныхъ христіанъ, отъ руку моя; хочу неповинныхъ представить васъ въ день просвѣщенный праведному Судіи. Да и бывало таково время: Христось, бдящу ми, и вселилъ васъ

о родныхъ, видно изъ слѣдующаго мѣста: „и Козма добрый человекъ,— я въ его церквѣ и дѣтей духовныхъ своихъ причащаль“. VIII, 111. Разъ причащаль, то возможно, что и хоронилъ.

¹⁾ VII, 389.

²⁾ VIII, 108—109.

³⁾ V, 83.

всѣхъ во утробу мою“ 1). Трудно сказать, до какой степени на этотъ разъ ошибался Аввакумъ. Невѣроятно, чтобы всѣ духовныя дѣти Аввакума въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ пошли за нимъ въ противленіи церкви. Конечно, послѣ отпаденія Аввакума отъ церкви могла у него собраться даже новая, именно старовѣрческая семья. Но не всѣ изъ послѣдовавшихъ или присоединившихъ послѣ выдержали гоненія, какимъ подвергались 2). Положительно извѣстны случаи отпаденія духовныхъ дѣтей Аввакума отъ старой вѣры. Аввакумъ передаетъ такое происшествіе. „Сына моего духовнаго Григорія попенко (православный священникъ) застрашилъ муками и причастилъ, и онъ, бѣдной, послѣ причастія восбѣсился, да и задавили его до смерти бѣси“ 3). Очевидно, Григорій раскаялся предъ смертью и обратился къ церкви. Но если даже такихъ отпаденій было очень много, хотя нѣтъ основаній такъ думать, то и тогда останется несомнѣннымъ великое значеніе, какое имѣли въ начальныхъ судьбахъ старообрядства духовныя дѣти Аввакума, соvrращенныя имъ въ расколъ, одушевленныя на исповѣдничество и на мученіе: боярыни Морозова и Урусова, заморенныя въ боровской тюрьмѣ, Феодоръ юродивый и Лука Лаврентьевъ, удушенные на Мезени, инокъ Аврамій, сожженный въ Москвѣ, дьяконокъ Феодоръ, сожженный въ Пустозерскѣ вмѣстѣ съ Аввакумомъ 4). Среди духовныхъ дѣтей Аввакума мы видимъ двухъ крупныхъ старообрядческихъ писателей—дьякона Федора и инока Аврамія. Если первый былъ независимъ отъ Аввакума въ своихъ богословскихъ воззрѣ-

1) VIII, 97.

2) Однажды Аввакумъ жалуется, что его „никоніяня еретикомъ зовуть, дѣти духовныя еретикомъ же зовуть“. VIII, 84. Но здѣсь, вѣроятно, разумѣется только одинъ дьяконокъ Феодоръ, справедливо обличавшій богословскія умствованія протопопа и прозрачно намекавшій на его еретицество. VI, 125. Чтобы среди его духовныхъ дѣтей была партія, считавшая его еретикомъ, это рѣшительно ни откуда не видно.

3) VIII, 74—75. Знаетъ объ этомъ происшествіи и дьяконокъ Феодоръ. „А Григорюшко, сказываютъ, прочъ отошолъ; мало ему жить; скоро умереть и трудъ свой губить, что не до конца терпять; худо то“. Барсковъ, 69.

4) Менѣе извѣстная исповѣдница старообрядства изъ духовныхъ дѣтей Аввакума инокиня Агаея, въ мирѣ Анна, страдавшая „отъ Павла митрополита (Кругицкаго) на патриарховъ дворѣ вѣры ради и правоты закона. Довольно волочили и мучили ея“. V, 106.

ніяхъ и писательской дѣятельности, то второй, по собственному признанію, учился у своего духовнаго отца „всякому доброму дѣлу“, часто обращался къ нему по вопросамъ религіозной мысли и въ своихъ писаніяхъ только развивалъ доктрины знаменитаго первоучителя раскола.

Забудемъ на время, что описанную духовную семью одушевляло заблужденіе, что объединили ее вражда и ненависть къ церкви, что ожесточенный фанатикъ стоялъ во главѣ ея, и мы получимъ всѣ элементы хорошей духовной семьи древней Руси. Здѣсь на лицо духовный отецъ, не наемникъ, а пастырь, не потаковникъ, а строгій и требовательный, вполне понимающій отвѣтственность своего положенія и важность принятыхъ на себя обязанностей. Его положительный идеалъ духовныхъ дѣтей церковно-аскетическаго характера, совершенно обычный въ древней Руси. Правда, въ характерѣ Аввакума много неровности, страстности и въ отношеніи къ согрѣшившимъ дѣтямъ онъ не безпристрастенъ, а къ дьякону Федору и положительно несправедливъ. Употребляя древне-русскіе термины, описывающія отрицательныя качества духовника, можно сказать, что Аввакумъ былъ гордъ, гнѣвливъ, тщеславенъ, но не потаковникъ и не невѣжа. Онъ не былъ лютымъ, потому что при огнепальной ревности и гнѣвливости имѣлъ отходчивое сердце. Притомъ же эти недостатки искупались въ значительной степени обаяніемъ крупной его личности, которое и привлекало къ нему дѣтей. Нравственныя связи между отцомъ и духовными дѣтьми здѣсь очень прочны: основываются онѣ на служеніи общей, какой ни на есть, религіозной идеѣ, выражаются въ въ сожительствѣ, въ матеріальной взаимной помощи, въ живой перепискѣ и въ молитвенномъ общеніи. Среди покаянной семьи Аввакума попадаются измѣнники ему и общему дѣлу, но гораздо больше исповѣдниковъ и мучениковъ, слѣдовавшихъ за духовнымъ отцомъ своимъ съ ревностію и самоотверженіемъ, достойными лучшаго приложенія. И все это показываетъ, что, отдѣлившись отъ церкви и вербуя защитниковъ старой вѣры, Аввакумъ опирался на свои духовническія права; съ другой стороны, что люди съ нимъ единомысленные, отдаваясь его руководительству въ вѣрѣ выбирали его духовнымъ отцемъ себѣ, т.-е. принимали его руководство и въ жизни. Солидарность въ религіозныхъ

воззрѣніяхъ у этихъ людей находить себѣ выраженіе въ формѣ, очевидно, еще жизненной въ русскихъ консервативныхъ кругахъ второй половины XVII ст.,—въ формѣ покаяльной семьи.

И другіе примѣры показываютъ, какъ, уходя въ расколъ, священники увлекали съ собою и духовныхъ дѣтей, а будучи въ расколѣ, имѣли на народъ большое вліяніе, опиравшееся въ значительной степени на ихъ духовническія права. Черезъ годъ послѣ собора 1667 г. Козьма, попъ московской церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, „совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими отбѣти въ стародубскіе предѣлы“ и потомъ бѣжалъ съ ними въ Стародубе. Въ начальной исторіи бѣглопоповщины онъ игралъ съ своими духовными дѣтьми видную роль. Козьма не принималъ священниковъ новаго поставленія и запрещалъ это впредь своимъ дѣтямъ; это было и его предсмертнымъ завѣщаніемъ ¹⁾. То же самое повторилъ въ своемъ завѣщаніи духовнымъ дѣтямъ и другой стародубскій священникъ Стефанъ Ивановъ. И духовныя дѣти ихъ дѣйствительно гнушались новопоставленныхъ священниковъ ²⁾. Этотъ примѣръ показываетъ достаточную степень вліянія на духовныхъ дѣтей раскольничьихъ священниковъ.

Но гораздо поразительнѣе такое вліяніе обнаружилось на сѣверѣ Руси, въ движеніи къ самосожигательству. Оно описывается въ любопытномъ памятникѣ „Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей“ ³⁾. И изъ него мы видимъ, во-первыхъ, что самосожженіе трактуется какъ путь покаянія, удобный и легкій, замѣняющій длинную епитемію и, значить, оно имѣетъ внутреннюю связь съ покаяніемъ и профессіей духовника; во-вторыхъ, цѣлый рядъ яркихъ примѣровъ показываетъ, что изувѣрными проповѣдниками самоистребленія нерѣдко бывали священники или иноки-духовники, иногда плуты самозванцы въ роли духовниковъ. Одинъ изъ такихъ изувѣровъ, инокъ, не названный по имени, „многихъ женъ и дѣтей въ огонь свель, а прежде сгорѣнія покаивалъ ихъ, какъ зналъ“... Другой рас-

¹⁾ *Ивана Алексѣева*, Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Лѣт. Рус. Лит., IV, 57, 59.

²⁾ Тамъ же, 67.

³⁾ Изд. Хр. М. Лопаревымъ, Нам. Др. II. № CVIII.

тлилъ въ лѣсу дѣвицу, дочь свою духовную, говоря, что огонь все очиститъ. Иринархъ инкоѣ самосожигатель полками провозилъ дочерей духовныхъ (тоже на самосожженіе). Одинъ изъ бѣлыхъ поповъ Семень не любилъ видѣть въ живыхъ дѣтей своихъ духовныхъ, какъ шутить Евфросинъ, авторъ Писанія. Когда его духовныя дѣти не слѣдшили слѣдовать скорымъ путемъ въ царство небесное, поповъ Семень, укоряя ихъ, называлъ татарами и нѣмцами за слабость въ вѣрѣ ¹⁾. Вотъ факты. Мы не говоримъ, что духовники были единственными проповѣдниками самоистребленія въ расколѣ; это было бы ошибкой. Но они являлись иногда дѣятельными сторонниками этой безпримѣрно ужасной и мрачно-отчаянной проповѣди и, къ сожалѣнію, имѣли большой успѣхъ среди духовныхъ дѣтей своихъ.

Замѣчательно, что раскольники, уличаемые въ употребленіи старыхъ обрядовъ, нерѣдко ссылались на своихъ духовныхъ отцевъ, какъ на руководителей въ этомъ отношеніи. Силка и Ѳелька говорили: „и какъ-де ему предаль отецъ его духовный, прозвище Орѣхъ, и за то де имъ умерѣть, а не перемѣнять“ ²⁾. И понятно: въ своихъ недоумѣніяхъ въ области вѣры и спасенія русскій человекъ привыкъ полагаться на духовнаго отца, и если духовникъ стоялъ за старыи обрядъ, у его духовныхъ дѣтей не было достаточныхъ основаній ему не повиноваться. Съ другой стороны, по пословицѣ „рыбакъ рыбака видитъ издалека“, старообрядчески настроенные вѣрующіе искали себѣ въ духовные руководители священниковъ, сочувствующихъ старинѣ. Этотъ спросъ вызвалъ предложеніе. Чтобы удобнѣе скрываться отъ преслѣдованія старообрядцы-попы оставляли свои приходы, какъ сейчасъ названные Козьма и Стефанъ, переходили въ классъ бродячаго, безмѣстнаго духовенства и обслуживали богатыхъ старообрядцевъ или старообрядческія общины. Вотъ почему, какъ увидимъ ниже, наша церковная власть вооружалась противъ духовниковъ „воплощающихся поповъ“ или „потаемныхъ поповъ“, подъ угрозой штрафа запрещала вѣрующимъ исповѣдь у нихъ.

Все это новый разъ даетъ знать, что старообрядство въ

1) Стран. 37, 87, 59, 48.

2) *Е. В. Барсовъ*, Новые матеріалы для исторіи старообрядства, 9; ср. 7, 20—21.

своей пропагандѣ и своемъ религіозномъ бытѣ удобно пользовалось властью духовника и свободной организацией покаяльной семьи. Но тѣми же самыми средствами борьбы съ своими противниками могла бы, конечно, воспользоваться и церковь.

С. Смирновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
